

УДК 821.511:143

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-1-99-109

**Семейная тема в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой
«И лун медлительных поток...»**

Т. М. Ульрих

*Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
ylrih_t@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению особенностей художественного воплощения семейной темы в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...» и вписывается в комплекс исследований отечественного литературоведения, касающихся проблемы художественной картины мира.

Цель: выявить специфику репрезентации темы семьи в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...».

Материалы исследования: роман-сказание Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...».

Результаты и научная новизна. В статье впервые представлен комплексный анализ репрезентации семейной темы в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...». Художественная концепция семьи, реализованная в произведении, соединяет все части тематико-мотивного комплекса (мотивы памяти и материнства, тему любви). Важная роль в семейной теме отводится женским образам. Повествуя о четырёх поколениях рода Картиных, писатели соединили с судьбой героев жизнь целого народа в его историческом бытии, определённом хронологическими рамками романа, наглядно и органично изобразили его национальные традиции, мировоззрение, ценностные установки. Семья стала главным хранителем и воспроизводителем этнических традиций, маркером стабильности существования народа. Она занимает главное место в иерархии бытия, представленного в художественном произведении.

Ключевые слова: мансийская литература, семейная тема, традиционные ценности, А. М. Конькова, Г. К. Сазонов, роман-сказание «И лун медлительных поток...»

Для цитирования: Ульрих Т. М. Семейная тема в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...» // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 99–109.

**Family theme in the novel by G. K. Sazonov and A. M. Konkova
“And the Stream of the Slow Moons...”**

T. M. Ulrikh

*Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
ylrih_t@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the peculiarities of the artistic embodiment of the family theme in the novel by G. K. Sazonov and A. M. Konkova “And the Stream of the Slow Moons...” and fits into the complex of studies of Russian literary criticism concerning the problem of the artistic picture of the world.

Objective: to reveal the specifics of representation of the family theme in the novel by G. K. Sazonov and A. M. Konkova “And the Stream of the Slow Moons...”.

Research materials: the novel by G. K. Sazonov and A. M. Konkova “And the Stream of the Slow Moons...”.

Results and novelty of the research: for the first time the article presents a comprehensive analysis of representation of the family theme in the novel “And the Stream of the Slow Moons...” by G. K. Sazonov and A. M. Konkova. The artistic conception of the family realized in the work connects all parts of the thematic and motif complex (motifs of memory, motherhood, the theme of love). An important role in the family theme is given to women’s images. Narrating the four generations of the Kartin’s family, the writers combined with the fate of the heroes the life of the whole nation in its historical existence defined by the chronological framework of the novel. They vividly and organically portrayed its national traditions, worldview, values. The family became the main guardian and reproducer of ethnic traditions, the marker of the stability of the people’s existence. It occupies the main place in the hierarchy of existence presented in the work.

Key words: Mansi literature, family theme, traditional values, G. K. Sazonov, A. M. Konkova, the novel “And the Stream of the Slow Moons...”

For citation: Ulrich T. M. Family theme in the novel by G. K. Sazonov and A. M. Konkova “And the Stream of the Slow Moons...” // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (1/60): 99–109.

Введение

Семейная тема всегда интересовала как писателей, так и исследователей мировой литературы. Её изучали с точки зрения религиозно-философской интерпретации [1], исторического и историко-публицистического контекстов [3; 6], психолого-педагогических установок [5; 11], идейно-художественного своеобразия [15; 17; 21; 23; 24; 36; 40], жанровой специфики семейного романа [4; 13; 37; 38] и сюжетных особенностей [10; 27; 39]. Тем не менее, многие аспекты репрезентации данной темы в художественной литературе пока ещё недостаточно раскрыты, в том числе и на материалах произведений писателей коренных малочисленных народов Севера.

Анализ научных работ показал, что исследователи обращаются к изучению семейной темы в произведениях финно-угорских писателей. В хантыйской литературе описанию этой темы посвящён ряд работ Е. В. Косинцевой: она рассматривает семью как основу общества и основу личности, формирующую нравственные качества героя в романе хантыгского автора Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» [15], как некую национальную модель мира, в которой отражаются представления хантов о мироустройстве, о должном и правильном, о сотрудничестве поколений и внутрисемейной иерархии [16; 17], как традиционную основу, связанную с темой детства и образом матери [18].

В мансийской литературе С. С. Динисламова исследует повесть Ю. Шесталова «Когда качало меня солнце» как семейную хронику, сагу, объединяющую судьбу всех членов одной семьи [8]. Анализируя образ дома в повести Ю. Шесталова «Синий ветер каслания», исследователь отождествляет его с семейным очагом, вокруг которого собираются члены семьи, совершают ритуалы [9]. В повести «Сначала была сказка» С. С. Динисламова тему детства связывает с темой семьи, так как воспитательная или нравственная функция реализуется представлением образов близких для главного героя людей, освещением темы матери, семьи, природы, родины [10].

В аспекте художественной аксиологии рассматриваются семейные ценности в статье Н. И. Ерёминой, где предметом научного осмысления являются рассказы мордовского писателя А. Брыжинского [12]. Ю. Г. Антонов, Ф. И. Габидуллина, Ю. В. Кабанова семейную

тематическую связывают с образом дома, подчёркивая, что он является важным элементом художественной структуры пьес мордовского драматурга А. Пудина [2].

Как известно, семейная тема тесно переплетается с образом матери и ребёнка, женщины, женского счастья, любви. Данные аспекты освещены в научных работах Е. В. Косинцевой [19; 20], С. А. Поповой [26], В. Л. Сязи [31], С. В. Шеяновой, Н. М. Юсуповой [35] и др.

Однако в современном литературоведении не нашла отражения семейная тема в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...». Нами не выявлено ни одной работы по данной теме, хотя анализу романа мансийской сказительницы посвящали свои статьи такие исследователи, как С. С. Динисламова [7], определившая основные черты и характеристики, которыми обладают время и пространство в романе; В. В. Клепиков [14], утверждающий, что авторы создали высокохудожественное произведение; Л. Н. Панченко [25], раскрывающая авторскую интерпретацию фольклорных образов в сказках и в романе-сказании; А. Н. Семёнов [30], рассматривающий произведение в аспекте аксиологии; Ю. Г. Хазанкович [32; 34], анализирующая фольклорные традиции манси в произведении писательницы, а также рассматривающая образ главной героини [33]. Как видим, роман-сказание Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой в национальном литературоведении недостаточно изучен, есть только несколько работ по исследованию отдельных аспектов произведения.

Вместе с тем одной из главных тем в романе-сказании «И лун медлительных поток...» является семейная тема, поэтому в работе осмысливается художественная концепция семьи, определяется место семьи в иерархии бытия, представленного в произведении; раскрывается взаимосвязь художественной концепции семьи с осмыслением авторами судьбы мансийского народа.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил роман-сказание Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...» (1982).

В работе использованы историко-культурный метод, метод смысловой интерпретации, литературоведческий анализ художественного текста.

Результаты

Национальная мансийская литература обладает способностью хранить и транслировать непреходящие ценности человека, отражать его духовные способности. Главной ценностью, основой жизненного уклада народ манси считает семью, воплощающую многовековой нравственный опыт, поэтому неудивительно, что семейная тема становится центральной в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...».

В произведении показана жизнь четырёх поколений мансийского рода Картиных. Полная семья – это главная черта в изображении семейной темы в романе. В каждом поколении ярко представлен глава рода – мужчина: Максим Картин, его сын – МIRON, внук – Тимпей и правнук – Сандро. Это защитники, охотники и добытчики в семье. Но необходимо отметить, что рядом с ними изображены не менее сильные женщины: у Мирона Картина – Апра-синья, Мать Матерей, у Тимпея – Околь, а у Сандро – Саннэ.

Казалось бы, исключением является первое поколение семьи Картиных: нет рядом с Максимом жены Пеклы, рано ушла она из жизни. Но герой не берёт в семью другую женщину, а сам справляется с воспитанием детей и внуков, потому что незримо присутствует Пекла. В произведении она упоминается несколько раз: когда Апра-синья появилась в их семье, трудно приходится Максиму Картину, он наставляет невестку на путь истинный, разъясняет все национальные запреты, грубо обрывает её любопытство, за что ему порой становится неловко. Именно в такие моменты он понимает, что Пекла лучше бы объяснила всё: «Да, женщина всегда любопытна, всегда пытается докопаться до донышка в тех вещах, которые, оглядываясь, поглубже прячут люди – будь то семейная жизнь или жизнь селения. И ничего не было бы в том удивительного для Пеклы – от неё бы обо всём узнала Апра-синья» [29, 33–34]. Вспоминает Максим свою мудрую Пеклу и старается отвечать на все вопросы невестки спокойно, обучая её тому, чего она ещё не знает.

Рассказывая о жизни героев и маленького таёжного поселения, авторы особое внимание уделяют способам создания семьи, связывая жизнь каждого поколения Картиных с семейно-брачными традициями манси, с фольклором. Исследователь Е. И. Ромбандеева в

древних сказках народа манси выделяет шесть способов создания семьи от древних к современному, которые различаются переходным периодом от матриархата к патриархату. Так, встреча у Мирона Картина и Апра-синьи напоминает сюжет, широко распространённый в мансийских сказках и быличках. Мирон уходит в земли сосвинских манси, чтобы посмотреть жизнь людей Тахты. Там он чуть не погибает от удара лося копытом. Его находит Апра-синья, которая кажется Мирону «лесной Колдуньей, Леша-чихой», когда он бредит в горячке: «Мирон не понял, где он, почему навзничь опрокинут на оленьи шкуры <...> Из зыбкого полумрака к Мирону придвинулось светлое мерцающее лицо с бездонными глазами. Они расширились, удлинились, поднимались к вискам и вдруг заняли половину лица. В них задрожал красный, густой, как кровь, отблеск пламени, и глаза вспыхнули, ожили и задышали, зазывая в себя» [29, 18]. Такой способ создания семьи Е. И. Ромбандеева описывает следующим образом: «Существует и шестой способ создания семьи, как бы “тайный”: лесная Миснэ берёт в мужья юношу или мужчину, уводит к себе, он пропадает для человеческого мира или живёт среди людей, но тайно живёт с той...» [28, 34]. Апра-синья, подобно лесной фее Миснэ, приводит Мирона в своё тайное лесное жильё, лечит его, согревает своим телом, поит лекарственными травами: «И на всю жизнь... в Мирона вошло и осталось пронзительное, неугасимое удивление перед женщиной, что горячим телом, гибкими сильными руками, обжигающим ртом защитила его, оборонила от смерти» [29, 19]. Сказка рассеивается, когда охотник выздоравливает и узнаёт горькую правду о судьбе любимой девушки. Хитростью и ловкостью он увозит Апра-синью в свою землю, при этом и сама девушка помогает Мирону: они убивают шамана Волчий Глаз, который вырастил её и не хотел отдавать в жёны Картину. Здесь мы видим несколько способов создания семьи, переходящих один в другой. Несмотря на сложившуюся ситуацию, Максим Картин, отец Мирона, решает через некоторое время отдать выкуп за Апра-синью, так как считает, что это позволит сохранить хорошие отношения с сосвинскими манси и продолжить традицию рождения новой молодой семьи, как делали его предки: «Мы с Миромом уходим в твои земли, Апра-синья. Мы должны помириться с людьми

Сосьвы. Мы принесём им дары и выкуп, наладим с ними дружбу и торг, ведь все мы люди одного племени – мансь» [29, 51].

По классификации Е. И. Ромбандеевой: «Пятый способ создания семьи, отражённый в фольклоре и сохраняющийся до сих пор, – это так называемое сватовство, приобретение жены посредством купли-продажи <...>. Этот способ создания семьи отражает ту эпоху, когда люди стали более состоятельными, когда появилась возможность купить и продать девушку, но ни в коем случае не юношу» [28, 33–34]. Именно таким способом выкупает Апрасинья для своего сына Тимпея жену Околь. Когда у Околь и Тимпея вырос сын, они тоже собирались через год выкупить девушку Саннэ для своего Сандро, но не успели, потому что хитростью, обманом и воровством приобретает её себе в жёны богатый купец Леська-Шысь. Но не суждено им быть вместе, сбегает Саннэ, и судьба соединяет любящие сердца: в лесу Сандро встречает её ослабевшую, лечит, оберегает.

Таким образом, семейные ценности, счастье детей, нашедших возлюбленную и познавших семейное счастье, сплочённость членов семьи – главные установки, которым следуют герои, и особенно героини романа. Авторы в художественный текст включают несколько способов создания семьи, которые распространены в свадебной обрядности манси. Это и традиция выкупа невесты родителями жениха, это и увоз невесты без согласия семьи, это и бегство невесты. Каждый мужчина из рода Картиных доказал, что он отличный охотник, защитник семьи, а девушки прошли с достоинством этап вхождения в новую семью, храня верность и любовь.

С семейной темой в романе тесно переплетается тема любви. Любовь объединяет семейную пару Апрасиньи с Мироном от первого момента близости до смерти. После ухода любимой жены не прожил и полугода Мирон: «...по ночам просыпался, звал Апрасинью, выходил на улицу, искал её в амбарах и, не услышав ответа, тихо плакал... Мирон не терял памяти, разум от него не отступился, но уже выедала его изнутри ненасытная тоска... Набухли почки, убралась в золотые серёжки верба, заголубели дали, и прогремел первый гром, и Мирона коснулся зов того мира» [29, 202]. Зимой похоронили Апрасинью, а ближе к лету

– Мирона, не смог он долго ходить по земле без любимой жены.

Казалось бы, традиция выкупа невесты предполагает, что чаще всего будущие супруги незнакомы друг с другом до свадьбы, но в романе мы видим: в каждой семье царит любовь между мужем и женой, что и помогает им прожить долгую и счастливую жизнь. Когда Апрасинья договаривалась о выкупе Околь, Тимпей ни разу не видел девушку, но доверял выбору матери и добывал вместе с остальными меха на выкуп всю зиму, не выходя из урманов. Встреча молодых говорит о том, что Мать Матерей не ошиблась: «Околь вышла на улицу, и здесь увидел её Тимоха, увидел и обомлел. Тимоха, обтирая рукавицами угольно-чёрного жеребца, смотрел на неё с таким восторгом, что Околь невольно улыбнулась» [29, 191]. Хотя Околь сначала было страшно, непривычно ей лесное жильё, но первое время рядом была Апрасинья: «Не пускай в себя страх, Околь, – успокаивала её Апрасинья. – Судьба метит слабых. Тебе отпущен долгий век – так говорит мне сердце» [29, 195]. Права была Апрасинья: постепенно росла у Околь любовь к Тимпею с каждым рождённым ребёнком, с пониманием традиционной жизни в мансийском селении Евра. Чем глубже девушка познаёт жизнь евринских манси, тем спокойнее и мудрее становится, в отличие от своего мужа, который наоборот взрывается по любому поводу. Тимпея избирают старостой вслед за дедом и отцом, стал он в волость часто наведываться и оставаться там надолго: «Хуже всего было то, что из-за этих ясачных дел упускал Тимофей золотые охотничьи деньки. Всё чаще задерживали его в волости. Мелкие чины выманивали у него взятки, грозили и спаивали» [29, 215]. Чем дальше он от семьи, от своей земли, тем ревнивее становится, подозревает Околь в неверности. Автор показывает разницу между «цивилизацией», откуда пришла в Евру Околь и которая с трудом постигается её мужем, и традиционной жизнью манси, где воспитывался Тимофей, куда пришла его жена. И только вместе они поддерживают любовь в семейном очаге, где родились двенадцать детей, и даже «боги денег» не разлучат их.

Постепенно, неторопливо зарождается любовь Сандро и Саннэ, когда приходит девушка к Околь, матери Сандро, постигать тайны традиционного рукоделия: «Но не ради узоров

прибегала Саннэ Лозьвина из Сам-Павыла в Евру. Словно нечаянно встречала она Сандро, сына Тимофея и Околь, а тот ждал её, сгорая от нетерпения» [29, 218]. Их история любви растёт от встречи до встречи, и они понимают, что созданы друг для друга:

«— Саннэ... нэ! Кто ты, Саннэ? — спрашивает юноша.

— Я — это ты... и больше ты, чем я, — отвечает девушка <...>

— А я — ты! — заторопился Сандро. — Ты — Небо, я — Земля» [29, 219].

История любви Сандро и Саннэ развивается по архетипической структуре, как и все действия героев романа строго мотивированы и определены мифопоэтической логикой: «... основные «узлы» укладываются в универсальную мифопоэтическую схему эпических сказаний» [29, 94]. Основная задача выполнена — любовь сохранили, создали семью; *радикальное решение* было принято — убийство Леськи-Щысь, которому отец продал Саннэ, и побег к любимому; всё происходит в *сакральном центре* пространства — в землях манси. *Добро побеждает зло*, Леська-Щысь, человек с чёрным сердцем, погибает, влюблённые снова встречаются после трагических событий в сакральном месте — в лесу и создают семейный очаг.

Как видим, любовь, без которой не может быть основана семья, заложена в аксиологических установках романа. Она помогает преодолеть все трудности при жизни и соединить после смерти две любящие души — Мирона и Апрасинью, крепче сплотить семью Тимофея и Околь через терпение и трудолюбие, победить зло и остаться вместе Сандро и Саннэ.

Основу семейного повествования в романе-сказании представляют многодетные семьи. Сколько нарождается сыновей, столько и паёв выделяется на реке для ловли рыбы. Многодетная семья — богатая семья. Поколение Картиных процветает, полон дом сыновей у каждой семьи. Хранителем капища в каждой из них является мужчина. Здесь семейная тема глубоко переплетается с мотивом памяти, которая помогает сохранить традиционный уклад жизни. Эта память в романе принадлежит Максиму Картину: «В нём жила глубокая, как корневище кедра, память, он был силен, как сохатый, был здоров и нарожал здоровое, без кривулин потомство» [29, 7]. Затем он передаёт свои знания об обычаях и традициях предков сыну

Мирону, которого берёт с собой в лес на охоту, и внуку Тимпею: «Я научу тебя, Тимпей, слышать и понять лес. Хранит он в себе тайны прозрения, таинство рождения и горечь угасания» [29, 52].

Совсем по иному относится к памяти Митяй из рода Лозьвиных, живущий в соседней деревне. Его мать Кирья несколько раз напоминает о судьбе Палкей, которую тот любил: «Знал Митяй о судьбе Палкей, и мать Кирья ударила его больно по незаживающему месту; «А ну-ка, вспомни Палкей!» Да не пошла ему та память на пользу...» [29, 230]. Бедную Палкей выдали замуж за Палмея, простого работника у русского хозяина Сашки, который и дал взаймы калым жениху. Увидев Сашку, поняла Палкей, что не будет у неё счастливой семейной жизни: «Детей у них не получалось. Хозяйства никакого не завели, безвольно повисли руки Палкей перед работой. Пристрастилась она к огненной воде. Выпьет вина Палкей, потеряет голову и просыпается в амбаре с Сашкой или с другим парнем» [29, 229–230]. Митяй, сетуя на свою неполноценность, повредил ногу и теперь не может охотиться, пытается подороже отдать дочь Саннэ замуж за Леську-Волка, богатого, старого, хитрого, у которого все жёны мрут, и обогатиться. Ни память о Палкей, которая «жила в нём незаживающей болью, острой голодной тоской» [29, 228], ни благосклонность судьбы (у Митяя рождается долгожданный сын, и ему выделяют пай на реке), ни предостережения матери, которая является хранителем традиционных ценностей в семье, — ничто не останавливает Лозьвина перед лестью и дорогими гостинцами, которыми одаривает его Леська-Волк.

Иначе показано отношение к памяти в роду Картиных. Из поколения в поколение родители передают детям и внукам всё то, что досталось им от своих предков, и, конечно, значимость семейного долга воспринимается ими на уровне генетической памяти. Эта тема гармонично коррелирует с семейной темой в идейной ткани романа-сказания А. М. Коньковой, Г. К. Сазонова «И лун медлительных поток...», она как бы закольцовывает произведение. Заглавие объясняется только в конце произведения в речи Околь, которая вместе с дочерью стоит у люльки внучки: «— Как будто это было вчера, — вздыхает старая Околь. — Разве я могу забыть горе своего сына? Разве можно забыть

горе Санны? Они насквозь проросли в мою душу, они – все сыны мои и дочери – живут во мне. И память наша – то лун медлительных поток...» [29, 263]. Ю. Г. Хазанкович, исследуя фольклорные традиции в романе, пишет: «... в заглавии произведения изначально присутствует мета-смысл, порождённый содержанием мифологического мета-сюжета – циклическое умирание и обновление жизни» [33, 152]. У многих народов с образом луны связано течение времени и, соответственно, судьба. Это архетип рождения человека, его взросления и одряхления. Теперь и Околь-бабушка измеряет годы лунами, а не цифрами, как в молодости её научили, потому что только это отражает течение времени и этнической памяти семьи Картиных.

Семейная тема в романе раскрывается и через образ женщины. Известно, что Луна у обских угров является в основном символом женского начала, поэтому авторы в романе отводят большую роль женщине в мансийской семье. Самым ярким и необычным женским образом является Апрасинья, «Журавлиный крик», Матерей Мать. Она возникает словно сказочный образ из земли Тахы. По мнению Ю. Г. Хазанкович, «её образ восходит к образам “дев-богатырок” и “матери-прародительницы” из эпических сказаний северных народов» [32, 94]. Героиня сама строит своё счастье: спасает будущего мужа, рассказывает ему о том, что она сирота, а воспитывает её злой шаман Волчий Глаз, которого она убивает и уезжает в земли любимого. Неслучайно выбрано имя этой героини – Апрасинья, Журавлиный крик, произошла «из рода Чайки», – оно несёт в себе этнографическое значение. Манси своими предками считали животных и птиц – уже в имени автор указывает на национальную принадлежность. Также в любимой автором героине мы находим сходство с бабушкой самой Анны Коньковой, которая с внучкой много проводила времени, гуляла в лесу, рассказывала сказки: «Матерей Мать – она для всех была доброй, желанной, мудрой» [22, 107].

Летопись жизни Апрасиньи, которая становится Матерей Матерью, в романе разворачивается в десяти первых главах. Она является носителем традиционных устоев мансийской семьи, воспитывает сыновей и дочерей, сама, как и в молодости, продолжает охотиться, но уже недалеко от дома, строго следит за соблюдением

обычаев. Её ум очень пытлив, потому что она сама ищет ответы на свои вопросы. Молодая Апрасинья горячо спорит с Максимом Картиным, отцом её мужа Мирона, утверждая, что медведь не может быть братом человеку, как рассказывалось в мансийских сказках. Сердится свёкр на глупую женщину, но когда «Мирон мягко положил тяжёлую руку на плечо Апрасиньи:

– Молчи! – прошептал он. – Отец верит в то. Он хочет того! Молчи...» [29, 42], она затихает, но долго ещё размышляет о человеческой жизни, прижавшись к Мирону. Антитеза в предложении «мягко положил тяжёлую руку» точно передаёт иерархию семейных отношений: «тяжёлая рука» мужа характеризует главу семейства, которому необходимо покориться, но она «мягко» ложится на плечо жены, потому что он любит Апрасинью, и она ему верит и замолкает.

А. М. Конькова и Г. К. Сазонов чётко определяют категорию женского счастья в рамках семейной темы – это стремление быть любимой супругой, матерью, достойной хозяйкой собственного очага. Так, авторы обозначают меру семейного счастья для героини: «Каждого ребёнка она носила с гордостью, как сокровище. Подняла и вырастила Апрасинья охотников из пятерых младших братьев мужа, поднимались и её семь сыновей, как семь звёзд – медвежат Большой Медведицы, да три дочери» [29, 70]; «А самым дорогим, самым близким стал Мирон..., и Апрасинья, осторожно прикасаясь к плечу мужа, обрывает дыхание: как же она могла жить без него, как могла дышать, думать, двигаться без него? <...> Да, да – много раз да, – она счастлива <...> У неё дом – большая тёплая юрта» [29, 71–72]. Она – эталон замужней женщины. Дети, любимый муж, тёплый дом становятся символом счастливой семейной жизни героини.

Семейная тема в романе-сказании тесно переплетается с темой материнства, которая в главной героине расширяется до собирательного образа Матери Матерей. Со временем Апрасинья превращается «в широкую, покойную протоку-старницу, зарастающую осокой, черёмухой, тальником. <...> Никто бы не поверил, какой была Апрасинья пятнадцать зим назад, год от года становилась она всё суровее и матерее» [29, 70]. После смерти старого Картина она уже ни перед кем не закрывала лицо, лечила всех травами, принимала роды, наставляла молодых

женщин. «Многих евринцев спасла Апрасинья, и звали её теперь Матерью Матерей, матерью всех, живущих в деревне» [29, 81]. Подобно мужу, хранителю капища, она «властно забрала в свои руки всех женщин селения, все важные дела они обсуждали с Апрасиньей» [29, 81]. Околь, жена Тимофея, так же, как и Апрасинья, становится новым воплощением Матери Матерей. Они живут на глазах у окружающих жителей селения: взрослеют, поднимают и воспитывают детей, строят отношения в семье и с соседями, соблюдают обряды, чтут традиции. Поэтому Апрасинья и Околь доверяют жители Евры, просят совета, помощи и помогают, чем могут.

Также связь семейной темы и материнства просматривается в эпизоде о смене жизни и выбора имени рождённой внучки. Апрасинья, Матерей Мать уходит из жизни только после рождения внучки, которую называют в её честь. И здесь видны черты ещё одного обряда манси, связанного с рождением ребёнка, его имянаречением, и вера народа в реинкарнацию души. А роман заканчивается предложением: «Склонясь над берестяной люлькой, задумчиво гладит Апрасинья золотистые волосы дочки своей Околь» [29, 264]. В романе-сказании неслучайно имена внучек повторяют бабушкины имена, так передаётся генотип традиционных ценностей, сохраняется родовая память от поколения к поколению.

Раскрывая семейную тему в романе-сказании, А. М. Конькова и Г. К. Сазонов показывают жизнь мансийского народа. С. С. Динисламова, рассуждая о времени и пространстве в романе, отмечает: «Интересно и закономерно то, что каждое новое поколение в романе – новая картина жизни манси» [7, 18]. Повествование о жизни четырёх поколений рода Картиных охватывает XIX в. и начало XX в. Воспоминания о крещении прадеда Максима Картина Филофеем, десятым митрополитом Тобольским, упоминается из XVIII в. Так хронологические рамки романа-сказания вмещают в себя разные исторические события. Множество сказочных и мифологических сюжетов манси включено в роман, передано устами героев. Наиболее ярко это проявляется в Максиме Картине, который охотился, соблюдал традиции предков и своих детей и внуков учил тому же. После его смерти, в годы семейной жизни Мирона и Апрасиньи Картиных, многое меняется, народ узнал силу

денег: «А теперь на российских просторах всё больше и больше нарастали сила и могущество рубля. <...> И год от года тяжелел и грузнел ясак, всё труднее платить его, всё глубже погружается в долги манси, всё крепче сети торговцев и купцов» [29, 95]. Приходят в северные земли беглые самоходы, которые рассказывают про борьбу с царём. Следующее поколение Тимофея и Околь соприкасается с событиями конца XIX и начала XX вв. Муж часто уезжает на собрания, как глава капища, решает вопросы жизни своего народа. Его жена, старая Околь предвещает: «Медлительно цедит себя время над вечным покоем урманов <...>. Но что-то уходит... И я вижу: жизнь моих внуков не повторит мою жизнь» [29, 264]. И всё сбывается: жизнь не идёт по кругу. Как верно отметил в статье В. Клепиков: «Влились и евринские манси в Большую Человеческую Реку» [14, 4].

История четырёх поколений рода Картиных наводит читателя на глубокие раздумья о судьбе человека и народа в целом. Жизнь меняется, время меняется, но неизменными остаются базовые ценности, главная из которых семья. Каждое поколение Картиных хранит древние традиции и руководствуется истинными ценностями, поэтому их род продолжается: «Картины, коренастые, приземистые, широкие в плечах и груди, круглолицые, отличались от родителей и крупными, тяжёлыми носами с заметной родовой горбинкой. Так их и звали: «Э, Сорнин Кётып, пыскась род», что значит – «род Золоторуких, шипящих носом». Но не шипели Картины, а выкладывали прямо в глаза, горячо и дерзко, что думали, не таили в себе, и оттого из их рода выбирали хранителей капища. <...> Они охраняли, как могли, языческую, родниковую чистоту своей веры...» [29, 46–47].

Обсуждение и заключение

Итак, нами рассмотрена семейная тема в романе-сказании Г. К. Сазонова и А. М. Коньковой «И лун медлительных поток...», которая является главной в произведении. Авторы представили художественную концепцию семьи, которая в смысловом поле произведения соединяет все темы. Повествуя о четырёх поколениях рода Картиных, писатели в совокупности с судьбой героев показали жизнь целого этноса в его историческом бытии, определённом хронологическими рамками романа, наглядно и органично изобразили полноту национальных традиций,

мировоззрения, ценностных установок. Семья стала главным ценностным центром художественного мира произведения. Она показана как основной хранитель и воспроизводитель этнических традиций, как устойчивый маркер стабильности и будущего существования народа.

Языческое понимание жизни Картиных передаёт специфику национального мироощущения романа: представители каждого поколения, несмотря на исторические изменения, сохраняют родовое капище, чтут законы природы, в недрах которой живут, и передают детям и внукам традиции своего народа.

Анализ художественного пространства произведения позволил определить следующие маркеры темы семьи:

– во-первых, каждое поколение семьи Картиных – это полная семья, где жизнь между супругами основана на взаимопонимании;

– во-вторых, через семью транслируются традиционные обряды народа, прослеживается связь с фольклором манси;

– в-третьих, любовь и уважение – это основа прочных взаимоотношений в семье;

– в-четвёртых, многодетность – это символ связи поколений, витальности этноса;

– в-пятых, семейная тема раскрывается через женский образ, героини являются носителями традиционных семейных устоев, становятся Матерью Матерей всего народа.

– в-шестых, через семейную жизнь четырёх поколений рода Картиных авторы изображают картину жизни народа манси XIX – начала XX вв.

Таким образом, семья в романе-сказании представлена как некая модель мира, формирующая характер, мировоззрение, нравственные качества как каждого представителя рода Картиных, так и народа в целом.

Список источников и литературы

1. Анастасьева И. «Мысль семейная» и религиозно-философское движение рубежа XIX–XX вв. // Вестник МГУ: Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3. С. 36–42.
2. Антонов Ю. Г., Габидуллина Ф. И., Кабанова Ю. В. Образ дома в пьесах мордовского драматурга А. Пудина // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 217–226.
3. Берёзкина О. В. Исследование истории расширенной семьи на материале романа Л. Улицкой «Медея и её дети» // Литература современности. 2005. № 4. С. 18–21.
4. Гнусова И. Ф. Традиции семейного романа в творчестве Л. Н. Толстого. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/gnjusova_if.doc.pdf (дата обращения: 04.08.2024).
5. Джигоева А. Т. Традиции семейного романа в дискурсе отечественного масскульта // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15666> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Джос Е. Ф. Семейно-родовой мир М. Е. Салтыкова-Щедрина: эстетическая модель, историко-публицистический контекст и литературные перспективы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.
7. Динисламова С. С. Время и пространство в романе-сказании «И лун медлительных поток...» Г. К. Сазонова, А. М. Коньковой // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 14–21.
8. Динисламова С. С. Основные темы и мотивы творчества Ювана Шесталова // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: матер. дистанц. науч.-практ. конф. XIII Югорские чтения. Воронеж: МАКС-ПРИНТ, 2015. С. 25–33.
9. Динисламова С. С. Картины народной жизни в повести Ю. Шесталова «Синий ветер каслания» // Вестник угроведения. 2016. № 4 (27). С. 15–23.
10. Динисламова С. С. Тема детства в повести «Сначала была сказка» Ю. Шесталова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK421.pdf>. (дата обращения: 13.09.2024).
11. Евдокимова Е. А. Любовь и семья в русской классической литературе. СПб.: Церковь и культура, 2006. 266 с.
12. Ерёмина Н. И. Семейные ценности в рассказах А. Брыжинского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 51–54.
13. Закаблукова Т. В. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г. Д. Гребенщикова и «Угрюм река» В. Я. Шишкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2008. 20 с.
14. Клепиков В. В. Верховье Человеческой Реки // Знамя. 1982. 30 дек. С. 4.
15. Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. Семейная тема в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3. С. 145–149.
16. Косинцева Е. В. Семейная тема в хантыйской литературе // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы IV международной науч.-практ. конф. В 2-х т. М.: Институт стратегических исследований, 2010. Т. 2. С. 117–120.

17. Косинцева Е. В. Хантыйская литература от истоков до современности: темы, образы, традиции: дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2013. 468 с.
18. Косинцева Е. В. Семейная тема и мир детства в повести Р. П. Ругина «Счастливые деньки на Шум-Югане» // Современные гуманитарные исследования. 2019. № 3 (88). С. 20–23.
19. Косинцева Е. В. Женский взгляд в лирике С. С. Динисламовой (на материале книги «Моё тихое счастье») // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4 (55). С. 642–649.
20. Косинцева Е. В. Концепт счастья в лирике С. С. Динисламовой (на материале книги «Моё тихое счастье») // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 445–451.
21. Лариева Э. В. Тема семьи в творчестве Л. Улицкой: к постановке проблемы // Подходы к изучению текста: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. В. Мосалева. Ижевск: УдГУ, 2007. С. 210–220.
22. Мальцева Э. И. Сходство фольклорных образов в поэзии А. С. Пушкина и в прозе писательницы-манси А. М. Коньковой // Сборник материалов 2-й Ханты-Мансийской научн.-практ. конф. Сургут: ИЦ СурГУ, 1999. С. 107–111.
23. Ничипоров И. Б. «Мысль семейная» в романе М. Горького «Дело Артамоновых» // Художественный текст: варианты интерпретации: Труды XIII Всероссийской научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 2. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2008. С. 3–13.
24. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П. Специфика воплощения традиций семейной хроники в романе А. Иванова «Вечный зов» // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 165–177.
25. Панченко Л. Н. Трансформация фольклорных образов в творчестве А. М. Коньковой // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 272–279.
26. Попова С. А. Понятие «мать» в мировоззрении и фольклоре северных манси // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 373–382.
27. Проскурина Т. Д. Идеино-художественные особенности воплощения «мысли семейной» в романах Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2001. 22 с.
28. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: Сев. дом и Сев.-Сиб. рег. кн. изд-во, 1993. 208 с.
29. Сазонов Г. К., Конькова А. М. И лун медлительных поток... Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. 272 с.
30. Семенов А. Н. Аксиологический аспект обско-угорской литературы // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 718–722.
31. Сязи В. Л. Тема любви в рассказе Ю. Н. Наковой «Видело небо, и слышали воды Пор-Авата и Невы» // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 121–129.
32. Хазанкович Ю. Г. Журавлиный крик из рода Чайки // Полярная звезда. 2001. № 1. С. 93–96.
33. Хазанкович Ю. Г. Власть Матери Матерей // Мансийская литература / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 265–295.
34. Хазанкович Ю. Г. Фольклорные традиции манси в романе-сказании А. Коньковой и Г. Сазонова «И лун медлительных поток...» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165). Филология. Искусствоведение. Вып. 34. С. 149–154.
35. Шеянова С. В., Юсупова Н. М. Представление о мире и человеке в мордовской женской прозе // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 337–345.
36. Khalid A. A. Comparative Study of Conceptual Metaphors of Love in English // University of Raparin. 2016. Vol. 3. № 6. Pp. 103–122.
37. Kersin D. The Family Novel in North America for Post – war to Post – Millenim: A study in Genre [Электронный ресурс]. URL: http://ubt/opus.hbznrw.dc/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf (дата обращения: 14.09.2024).
38. Lu Yi-Ling. The family Novel. Toward a generic definition. New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. 168 p.
39. Mirsky P. Aksakov Chronicles of Russian Family. London; New York: Dutton, Routledge, 1924. 398 p.
40. Tabrizi Meysam. Concept of love in Oscar Wilde's. Erzurum: Ataturk University, 2014. 105 p.

References

1. Anastasieva I. "Mysl' semeynaya" i religiozno-filosofskoe dvizhenie rubezha XIX–XX vv. ["Family thought" and the religious-philosophical movement at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vestnik MGU: Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [MSU Bulletin: Linguistics and Intercultural Communication], 2003, no. 3, pp. 36–42. (In Russian)
2. Antonov Y. G., Gabidullina F. I., Kabanova Y. V. *Obraz doma v p'esakh mordovskogo dramaturga A. Pudina* [The image of home in the plays of Mordovian playwright A. Pudina]. *Vestnik ugroovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 217–226. (In Russian)
3. Berezkina O. V. *Issledovanie istorii rasshirennoy sem'i na materiale romana L. Ulitskoy "Medeya i ee deti"* [Study of the history of the extended family on the material of L. Ulitskaya's novel "Medea and Her Children"]. *Literatura sovremennosti* [Literature of Modernity], 2005, no. 4, pp. 18–21. (In Russian)

4. Gnyusova I. F. *Traditsii semeynogo romana v tvorchestve L. N. Tolstogo* [Traditions of the family novel in the works of L. N. Tolstoy]. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/gnyusova_if.doc.pdf (accessed August 04, 2024). (In Russian)
5. Dzhioeva A. T. *Traditsii semeynogo romana v diskurse otechestvennogo masskul'ta* [Traditions of the family novel in the discourse of domestic mass culture]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2014, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15666> (accessed August 20, 2024). (In Russian)
6. Jos E. F. *Semeyno-rodovoy mir M. E. Saltykova-Shchedrina: esteticheskaya model', istoriko-publitsisticheskii kontekst i literaturnye perspektivy* [The family and kin world of M. E. Saltykov-Shchedrin: aesthetic model, historical and publicist context and literary perspectives]. Krasnodar, 2005. 25 p. (In Russian)
7. Dinislamova S. S. *Vremya i prostranstvo v romane-skazanii "I lun medlitel'nykh potok..." G. K. Sazonova, A. M. Kon'kovoy* [Time and space in the novel "And the Stream of the Slow Moons..." by G. K. Sazonov, A. M. Konkova]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 1 (20), pp. 14–21. (In Russian)
8. Dinislamova S. S. *Osnovnye temy i motivy tvorchestva Yuvana Shestalova* [Main themes and motifs of Yuvan Shestalov's creative work]. *Korennye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: materialy distantsionnoy nauch.-prakt. konf. XIII Yugorskie chteniya* [Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East: Traditions and Innovations: materials of the Distant scientific conference XIII Yugra Readings]. Voronezh: MAKSPRINT Publ., 2015. Pp. 25–33. (In Russian)
9. Dinislamova S. S. *Kartiny narodnoy zhizni v povesti Yu. Shestalova "Sinii veter kaslaniya"* [Pictures of folk life in the story by Yu. Shestalov "The Blue Wind of Nomadism"]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 4 (27), pp. 15–23. (In Russian)
10. Dinislamova S. S. *Tema detstva v povesti "Snachala byla skazka" Yu. Shestalova* [Theme of childhood in the story "There Was a Fairy Tale at First" by Yu. Shestalov]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2021, no. 4. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK421.pdf>. (accessed September 13, 2024). (In Russian)
11. Evdokimova E. A. *Lyubov' i sem'ya v russkoy klassicheskoy literature* [Love and family in Russian classical literature]. Saint-Petersburg: Tserkov' i kul'tura Publ., 2006. 266 p. (In Russian)
12. Eryomina N. I. *Semejnye cennosti v rasskazakh A. Bryzhinskogo* [Family values in the stories by A. Bryzhinsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2020, no. 13 (3), pp. 51–54. (In Russian)
13. Zakablukova T. V. *Semeynaya khronika kak syuzhetno-tipologicheskaya osnova romanov "Churaevy" G. D. Grebenshchikova i "Ugryum reka" V. Ya. Shishkova* [Family chronicle as a plot-typological basis of the novels "The Churaevs" by G. D. Grebenshchikov and "The Gloomy River" by V. Ya. Shishkov]. Krasnoyarsk, 2008. 20 p. (In Russian)
14. Klepikov V. *V verkhov'e Chelovecheskoy Reki* [In the Upper Reaches of the Human River]. *Znamya* [The Banner], 1982, December 30, pp. 4. (In Russian)
15. Kosintseva E. V., Kurenkova N. V. *Semeynaya tema v romane E. D. Aypina "Bozh'ya Mater' v krovavykh snegakh"* [Family theme in the novel by Ye. D. Ajpin "The Mother of God in the Bloody Snows"]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2010, no. 3, pp. 145–149. (In Russian)
16. Kosintseva E. V. *Semeynaya tema v khantyyskoy literature* [Family theme in Khanty literature]. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: materialy IV mezhdunarodnoy nauch.-praktich. konf. V 2-h tomah* [Modern Problems of Humanities and Natural Sciences: materials of the IV International scientific and practical conference. In 2 vol.]. Moscow: Institut strategicheskikh issledovaniy Publ., 2010. Vol. 2. Pp. 117–120. (In Russian)
17. Kosintseva E. V. *Khantyyskaya literatura ot istokov do sovremennosti: temy, obrazy, traditsii* [Khanty literature from origins to modernity: themes, images, traditions]. Saransk, 2013. 468 p. (In Russian)
18. Kosintseva E. V. *Semeynaya tema i mir detstva v povesti R. P. Rugina "Schastlivye den'ki na Shum-Yugane"* [Family theme and the world of childhood in the story by R. P. Rugin "Happy Days on Shum-Yugan"]. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya* [Modern Humanities Studies], 2019, no. 3 (88), pp. 20–23. (In Russian)
19. Kosintseva E. V. *Zhenskiy vzglyad v lirike S. S. Dinislamovoy (na materiale knigi "Moe tikhoe schast'e")* [Women's view in the lyrics of S. S. Dinislamova (on the material of the book "My Quiet Happiness")]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (4), pp. 642–649. (In Russian)
20. Kosintseva E. V. *Kontsept schast'ya v lirike S. S. Dinislamovoy (na materiale knigi "Moe tikhoe schast'e")* [The concept of happiness in the lyrics of S. S. Dinislamova (on the material of the book "My Quiet Happiness")]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (3), pp. 445–451. (In Russian)
21. Larieva E. V. *Tema sem'i v tvorchestve L. Ulitskoy: k postanovke problemy* [The theme of family in L. Ulitskaya's creative work: to the statement of problem]. *Podkhody k izucheniyu teksta: Mat. mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* [Approaches to a text study: Materials of the Interuniversity scientific and practical conference]. Ed. G. V. Mosaleva. Izhevsk: UdSU Publ., 2007. Pp. 210–220. (In Russian)
22. Maltseva E. I. *Skhodstvo fol'klornykh obrazov v poezii A. S. Pushkina i v proze pisatel'nitsy-mansi A.M. Kon'kovoy* [Similarity of folklore images in the poetry by A. S. Pushkin and in the prose of the Mansi writer A. M. Konkova]. *Sbornik materialov 2-oi Khanty-Mansiyskoi nauchn.-prakt. konf.* [Collection of materials of the 2nd Khanty-Mansiysk scientific and practical conference]. Surgut: IZ SurGU Publ., 1999. Pp. 107–111. (In Russian)

23. Nichiporov I. B. "Mysl' semeynaya" v romane M. Gor'kogo "Delo Artamonovykh" ["Family thought" in M. Gorky's novel "The Artamonov's Affair"]. *Khudozhestvennyy tekst: varianty interpretatsii: Trudy XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: V 2 ch.* [Artistic text: variants of interpretation: Proceedings of the XIII All-Russian scientific and practical conference: In 2 parts]. Biysk: V. M. Shukshin BPSU Publ., 2008. Ch. 2. Pp. 3–13. (In Russian)
24. Osmukhina O. Yu., Gudkova S. P. *Spetsifika voploshcheniya traditsiy semeynoy khroniki v romane A. Ivanova "Vechnyy zov"* [Specifics of the embodiment of the traditions of family chronicle in the novel by A. Ivanov "Eternal Call"]. *Novyy filologicheskyy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2018, no. 4 (47), pp. 165–177. (In Russian)
25. Panchenko L. N. *Transformatsiya fol'klornykh obrazov v tvorchestve A. M. Konkovo* [Transformation of folklore images in the work of A. M. Konkova]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 272–279. (In Russian)
26. Popova S. A. *Ponyatie "mat'" v mirovozzrenii i fol'klоре severnykh mansi* [The concept of "mother" in the worldview and folklore of the Northern Mansi]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 373–382. (In Russian)
27. Proskurina T. D. *Ideyno-khudozhestvennye osobennosti voploshcheniya "mysli semeynoy" v romanakh L. N. Tolstogo "Anna Karenina" i M. E. Saltykova-Shchedrina "Gospoda Golovlevy"* [Ideological and artistic features of the embodiment of the "family thought" in the novels "Anna Karenina" by L. N. Tolstoy and "The Gentlemen Golovlevs" by M. E. Saltykov-Shchedrin]. Orel, 2001. 22 p. (In Russian)
28. Rombandeeva E. I. *Istoriya naroda mansi (vogulov) i ego dukhovnaya kul'tura (po dannym fol'klora i obryadov)* [History of the Mansi (Vogul) people and their spiritual culture (according to folklore and rituals)]. Surgut: Severnyy dom i Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1993. 208 p. (In Russian)
29. Sazonov G. K., Konkova A. M. *I lun medlitel'nykh potok* [And the Stream of the Slow Moons...]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1990. 272 p. (In Russian)
30. Semyonov A. N. *Aksiologicheskyy aspekt obsko-ugorskoj literatury* [Axiological aspect of Ob-Ugric literature]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 718–722. (In Russian)
31. Syazi V. L. *Tema lyubvi v rasskaze Yu. N. Nakovoy "Videlo nebo, i slyshali vody Por-Avata i Nevy"* [The theme of love in the story by Yu. N. Nakova "The Sky Saw and the Waters of the Por-Avat and the Neva heard"]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 121–129. (In Russian)
32. Khazankovich Yu. G. *Zhuravlinyy krik iz roda Chayki* [Crane Cry of the Gull Kin]. *Polyarnaya zvezda* [Polar Star], 2001, no. 1, pp. 93–96. (In Russian)
33. Khazankovich Yu. G. *Vlast' Materi* [Power of Mother]. *Mansiyskaya literature* [Mansi Literature]. Moscow: Literaturnayz Rossiya Publ., 2003. Pp. 265–295. (In Russian)
34. Khazankovich Yu. G. *Fol'klornye traditsii mansi v romane-skazanii A. Konkovo i G. Sazonova "I lun medlitel'nykh potok..."* [Folklore traditions of the Mansi people in the novel by A. Konkova and G. Sazonov "And the Stream of the Slow Moons..."]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History], 2009, no. 27 (165), pp. 149–154. (In Russian)
35. Sheyanova S. V., Yusupova N. M. *Predstavlenie o mire i cheloveke v mordovskoy zhenskoy proze* [Representation of the world and man in Mordovian women's prose]. *Vestnik Ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 337–345. (In Russian)
36. Khalid A. A. Comparative Study of Conceptual Metaphors of Love in English. *University of Raparin*, 2016, no. 3 (6), pp. 103–122. (In English)
37. Kersin D. *The Family Novel in North America for Post – war to Post – Millennim: A study in Genre*. Available at: http://ubt/opus.hbznrw.dc/volltexte/2005/330pdf/diss_dell.pdf (accessed September 14, 2024). (In English)
38. Lu Yi-Ling. *The family Novel. Toward a generic definition*. New York: Peter Lang Publishing Ins., 1992. 168 p. (In English)
39. Mirsky P. *Aksakov Chronicles of Russian Family*. London; New York: Dutton, Routledge, 1924. 398 p. (In English)
40. Tabrizi Meysam. *Concept of love in Oscar Wilde's*. Erzurum: Ataturk University, 2014. 105 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ульрих Татьяна Михайловна, аспирант, Югорский государственный университет, (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16, корп. 2, каб. 238).
ylrih_t@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-8008-6865

ABOUT THE AUTHOR

Ulrikh Tatyana Mikhaylovna, Postgraduate Student, Yugra State University (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Chekhov Str. 16).
ylrih_t@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-8008-6865